

Неизвестного и М. Шемякина) обнаруживается полноправное сосуществование религиозных и светских мировоззренческих ценностей, решение сложных жизненно-смысловых проблем. «Маска скорби» Э. Неизвестного символизирует и одновременно пластически материализует конкретное человеческое чувство и отношение художника к обществу.

Список литературы

1. Азизян Н., Добрицына И., Лебедева Г. Теория композиции как поэтика архитектуры / Н. Азизян, И. Добрицына, Г. М. Лебедева. – М.: Аграф, 2002. – 228 с.
2. Герман А. “Не мог Довлатов не уехать” // Новая газета. 2017. 20 августа.
3. Хейзинга Й. Тени завтрашнего дня. Человек и культура. Затемненный мир: Эссе / Й. Хейзинга. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2017. – 456 с.
4. Хобсбаум Э. Разломанное время. Культура и общество в двадцатом веке / Э. Хобсбаум. – М.: АСТ: CORPUS, 2017. – 384 с.

ПРОБЛЕМА ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ МОРАЛИ

Цепелева Н. П., Костарева А. С.
Екатеринбург, УрФУ

THE PROBLEM OF THE RESPONSIBILITY IN THE MODERN THEORY OF MORALITY

Tsepeleva N. P., Kostareva A. S.
Yekaterinburg, Ural Federal University

Аннотация. В данной работе анализируется современное состояние исследований по проблеме ответственности, обращается внимание на изменения в трактовке ответственности, на расширение ее горизонта, смену вектора ответственности, появление этики ответственности как особого направления в современной теории морали.

Ключевые слова: современная теория морали, ответственность, этика ответственности, моральный выбор, культура ответственности.

Abstract. In this paper analyses the current status of research on the issue of responsibility, the attention is drawn to the change in the interpretation of responsibility and expanding her horizon, changing the vector responsibility and on the emergence of ethics of responsibility as a special trends in the modern theory of morality.

Keywords: contemporary theory of morality, responsibility, the ethics of responsibility, moral choice, the culture of responsibility.

В XX веке происходит отказ от классической концепции ответственности. По мысли Р. Г. Апресяна, меняется понимание «природы моральной ответственности (ее субъекта и объекта), роли взаимности в морали, смысла самооценности, а соответственно, и моральной значимости, происходят перемены в прикладном нормативно этическом мышлении» [2]. Этика ответственности формируется на иных, нежели этика кантовского типа, основаниях. Внимание фокусируется не на идее автономии морального субъекта, не нарушаемой «эмпирическими» обстоятельствами, но на реальности, вырастающей из «живой ткани моральной жизни» (термин С. Л. Франка) и предполагающей ответственный выбор личности.

Центр ответственности сместился в сторону личности, ее ответственности перед другими (Ж.-П. Сартр), за себя (М. М. Бахтин), за Другого (Э. Левинас), за все живое (Г. Йонас), ее умения «действовать и включаться в дискурс» (Ю. Хабермас), делать «ответственный выбор» (А. А. Гусейнов), ее готовности «нести ответственность за последствия своих рискованных решений» (З. Бауман). «Человек, который на что-то решается и осознает, что выбирает не только собственное бытие, но что он еще и законодатель, выбирающий одновременно с собой и все человечество, не может избежать чувства полной и глубокой ответственности», – полагает Ж.-П. Сартр [12, с. 325]. Расширяя круг тех, перед которыми и за которых человек считает себя ответственным, он преодолевает «частичность» (М. М. Бахтин) своего существования, обретает «ответственную причастность всех и каждого ко всему происходившему в прошлом, происходящему в настоящем и будущему происходить». И это не абстрактная, исчезающая в своей всеохватности ответственность, а «единая и единственная нравственная ответственность» как поступок «изнутри в его ответственности» [3, с. 121]. Личности, говорит М. М. Бахтин, предстоит «стать сплошь ответственной» [4, с. 5]. Рассматривая человека как укорененного во встрече и отношениях с другими людьми, Э. Левинас пишет о признании значимости Другого, об открытости Другому и ответственности за Другого, лежащих в основании свободы

субъекта и открывающихся в ситуации «отнесенности к Другому», т. е. «лицом к лицу» [10, с. 79-81].

В неклассической концепции ответственности особую значимость приобретает вопрос о согласовании интересов людей, о соотношении личностного и общественного. Рассуждая о трансформации отношения личности и общества, об «ответственном выборе» индивида, А. А. Гусейнов подчеркивает, что в современных условиях уже «не норма является нравственной границей, а решение личности относительно нее», что «абсолютная граница не предзадана и устанавливать ее для себя – суверенное право каждой личности» [6, с. 158]. Другими словами, моральное решение принимает сам индивид как «нравственно-автономный субъект». Индивид несет ответственность за осуществление своих смыслов («ответственность смысла», Ж.-Л. Нанси) и реализацию ценностей. Ответственность осознается как основополагающий мотив человеческой деятельности, утверждается в качестве интегральной ценности. Таким образом, раскрывается новый ракурс понимания ответственности – аксиологический.

Ответственность неразрывно связана с выбором субъекта. Выбор характеризуется объективной возможностью выбирать и субъективной способностью выбирать не только между добром и злом, но между "злом большим" и "злом меньшим". А. А. Гусейнов связывает эту ситуацию со стремлением людей «выдавать совершаемое зло за добро» [см.: 11 и др.] и полагает, что использование термина «меньшее зло» конкретным человеком означает, что, хотя тот и не потерял еще полностью моральную способность, но явно находится на этом пути. Следовательно, конфликты и компромиссы в ситуации морального выбора требуют от субъекта осознания возможности применения логики наименьшего зла и понимания границ морально допустимого, то есть особой культуры ответственности.

Границы ответственности становятся подвижными, горизонт ответственности расширяется. Ответственность оказывается важным регулятором не только моральных отношений, но также действий человека на политической и правовой арене, в медицине, образовании и других общественно значимых сферах человеческой активности, для которых принципиально важно учитывать возможные последствия принимаемых решений, поскольку от них зависит жизнь большого числа людей. Впервые об этом, как известно, заговорил М. Вебер,

критикуя базирующуюся на вере этику кантовского типа («этику убеждений»). Подчеркивая первичность и самодостаточность ответственного выбора личности, Вебер закладывает тем самым основы новой этики – «этики ответственности» [3, с. 696-705].

Этическое измерение ответственности ориентирует не только на учет предвидимых последствий действий человека, но и на построение «долгосрочной моральной стратегии» сотрудничества для урегулирования конфликтов на «консенсуально-коммуникативных» основаниях. К.-О. Апель, автор дискурсивной этики, говорит об этике дискурса как этике ответственности. Отталкиваясь от рассмотрения проблем применения чистого формально-процедурного принципа этики дискурса в реальном жизненном контексте, в конкретно-исторических обстоятельствах, Апель формулирует базовые положения «трансцендентально-прагматического» истолкования этики. И подчеркивает, что для обоснования «общей солидарной ответственности человечества за сохранение условий дальнейшего существования человеческого рода» [1, с. 18-21] в эпоху глобализации и экологического кризиса человек «вынужден обращаться к нормативным принципам этики» [1, с. 40]. Чтобы этика дискурса могла предстать как этика ответственности, полагает Апель, основной принцип этики дискурса (принцип универсализации, являющийся принципом обоснования и легитимации моральных норм), должен быть дополнен «вспомогательным принципом этической ответственности» [1, с. 103-104]. Он необходим, поскольку «общественные условия для применения практических дискурсов для разрешения конфликтов на всех уровнях еще не сформированы». И, следовательно, надо «действовать так, чтобы способствовать, насколько возможно, устранению различия между сообществами идеальной и реальной коммуникации» [5, с. 6]. Осуществляя поиск и обоснование всеобщих (универсальных) норм коммуникации, присущих человеческому общению и взаимодействию, вырабатывая ценности и способствуя достижению консенсуса, практический дискурс становится необходимой основой этики ответственности.

Последняя четверть XX века – период стремительного развития этики ответственности, понимаемой как «этика для техногенной цивилизации», представленной в работах Х. Ленка, К. Байертца, Г. Йонаса, В. А. Канке и др. [7, 8, 14]. Анализ современной ситуации, характеризуемой практически безграничной

властью человека над природой и собственной сущностью, представленный указанными авторами, показал, что в сферу этического следует включить ряд новых объектов моральной ответственности. Если в традиционной этике этически значимая область была ограничена сферой общения между людьми, то в современных условиях этика с необходимостью должна расширить горизонт ответственности, включив в него ответственность человека и человечества за существование природы, за ее целостность, ответственность за будущие поколения, а также и за отдаленные последствия человеческой деятельности.

Ответственность за будущее, согласно Йонасу, представляет собой органическое единство объективной трансцендентной ответственности и субъективного, имманентного человеку, чувства ответственности. Анализируя современное состояние, Йонас ставит вопрос о планетарном балансе человека и природы, исключая катастрофы, поскольку даже локальные безответственные действия могут дать начало катаклизмам глобального характера [см.: 9]. Это принуждает нас к более ответственному отношению к окружающей среде. Новый императив, выдвинутый Йонасом, звучит так: «Действуй так, чтобы последствия твоей деятельности были совместимы с поддержанием подлинно человеческой жизни на Земле» [7, с. 34]. Возросшие возможности человеческой деятельности позволяют также воздействовать на природу самого человека, опровергая представления об ее неизменности. Все это по-новому ставит вопрос о масштабах и формах ответственности человека и человечества в современных условиях.

Таким образом, ответственность как основополагающий социокультурный принцип несет в себе перспективу коренных изменений в отношении к человеку, обществу, природе. Этому соответствует расширение горизонта ответственности, а также смена вектора ответственности, она принимает все чаще характер коллективной ответственности. Происходящие изменения в жизни людей, понимание общественно значимых событий и их последствий стали толчком к более глубокому анализу проблемы ответственности в современной этике, прежде всего в таких ее конкретизациях, как биоэтика, социальная этика, экологическая этика и другие.

Список литературы

1. Апель К.-О. Дискурс и ответственность: проблема перехода к постконвенциональной морали / К.-О. Апель [пер. с нем. В. Куплина]. – Киев: Дух и литера, 2009. – 430 с.
2. Апресян Р. Г. Философия морали и прикладная этика // URL: http://iph.ras.ru/uplfile/ethics/seminar/Apresyan_15_12_10.html
3. Бахтин М. М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984-1985. – М.: Наука, 1986. – С. 80-160.
4. Бахтин М. М. Искусство и ответственность // Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С. 5-7.
5. Бусова Н. А. К.-О. Апель об этике дискурса как этике ответственности // Вісник ХНУ імені В. Н. Каразіна. № 952. Серія: філософія. Філософські перипетії. – 2011.
6. Гусейнов А. А. Размышления о прикладной этике // Ведомости Научно-исследовательского института прикладной этики. Вып. 25: Профессиональная этика / Под ред. В. И. Бакштановского и Н.Н. Карнаухова. – Тюмень: НИИПЭ, 2004. – С. 148-159.
7. Йонас Г. Принцип ответственности / Г. Йонас. – М.: Айрис-Пресс, 2004. – 480 с.
8. Канке В. А. Этика ответственности: теория морали будущего / В. А. Канке. – М.: Логос, 2003. – 351 с.
9. Козлова Н. П. Этика ответственности в условиях техногенной цивилизации Ганса Йонаса. Автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. филос. наук. Москва, 2007.
10. Левинас Э. Время и Другой. – СПб., 1999. – 239 с.
11. Прокофьев А. В. Моральная ответственность в политике: взгляд через призму меньшего зла // Медiascope: Электронное издание факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2009. № 4. С. 103-114 (URL: <http://www.mediascope.ru/node/495>); Его же: Выбор в пользу меньшего зла и проблема границ морально допустимого // Этическая мысль. Вып. 9. – М., 2009. – С. 122-145.
12. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. – М.: Политиздат, 1989. – С. 319-344.

13.Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас [пер. с нем., ред. Д. В. Складнева]. – СПб.: Наука, 2000. – 739 с.

14.Ленк Х. Размышления о современной технике / Х. Ленк; Пер. с нем. под ред. В. С. Степина; Ин-т "Открытое о-во". – М.: Аспект-пресс, 1996. – 181 с.

ТРАГЕДИЯ БЕЗ КАТАРСИСА?

Цибизова Л. А.
г. Москва, ВГИК

THE TRAGEDY WITHOUT CATHARSIS?

Tsibizova L. A.
Moscow, VGIK

Аннотация. В статье представлен анализ трагического конфликта, показанного в фильме Юрия Быкова «Дурак» (2014). Депрессивная социальная среда, агрессия и энергия саморазрушения порождают трагедию повседневной жизни, когда даже смерть героя не способна вызывать катарсис.

Ключевые слова: трагический конфликт, система ценностей, социальная депрессия, катарсис

Abstract. In the article represents submitted analysis of tragic conflict in the film of Yuri Bycov “Idiot” (2014). The depressive social environment, aggression and self-destruction energy generate the tragedy of everyday life, even when the death of the hero is not capable of causing the catharsis.

Keywords: tragic conflict, system of values, social depression, catharsis.

Не стоит обращаться к опыту предыдущих столетий, чтобы обнаружить, как меняются в обществе представления о том, что есть порядочный человек и есть ли у него шансы на достижение успешности. Сегодня наивными выглядят усилия героини пьесы Александра Вампилова «Прошлым летом в Чулимске» восемнадцатилетней Валентины по бесконечной починке заборчика палисадника, который постоянно разрушают посетители чайной. Водители дальнобойщики вовсе не носители зла, в постоянстве усилий девушки они, как и все другие, видят лишь бессмысленность и странность. Тем не менее, в семидесятые годы двадцатого века творчество стало нелицеприятным зеркалом, отражающим наиболее острые проблемы социально-нравственного характера. Застывшая в своём провинциализме жизнь глубинки с незнающей, чем себя занять, молодёжью